

Православный архиерей-репатриант межвоенного периода Тихон Шарапов и его борьба за церковную свободу в СССР*

Александр Мазырин

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Россия

Tikhon Sharapov, an Orthodox Repatriate Bishop of the Interwar Period, and His Struggle for Church Freedom in the USSR

Alexander Mazyrin

St Tikhon's Orthodox University,
Moscow, Russia

This article studies the fate of Bishop Tikhon (Sharapov, 1886–1937), who was unique among hundreds of Russian Orthodox Bishops of the era of Bolshevik persecution. Having found himself outside Russia as a result of the military revolutionary upheavals of the turn of the 1910s and 1920s and having the opportunity to get a good job abroad, he did not do this but was able to return in the rank of Archimandrite to his homeland and to Patriarch Tikhon (Bellavin) in early 1925, shortly before the death of the latter. Soon after his return, he was consecrated Bishop but spent only a month and a half in the bishop's chair assigned to him, and then he was almost continuously in prison, exiles and camps, until his execution during the "Great Terror". The article explains why the persecuted bishop was so disliked by the Soviet authorities. Bishop Tikhon defended the internal freedom of the Orthodox Church as best he could and fought against the Renovationist schism imposed by the Bolshevik government. Being expelled from his Gomel diocese, he, contrary to the demands of state bodies, tried to maintain a living connection with it and further expressed a sceptical attitude towards the line of servility of the God-fighting authorities. The research is based on the materials of the archival and investigative cases of K. I. Sharapov, as well as unpublished testimonies of the Church historian M. E. Gubonin (1907–1971),

* *Citation*: Mazyrin, A. (2025). Tikhon Sharapov, an Orthodox Repatriate Bishop of the Interwar Period, and His Struggle for Church Freedom in the USSR. In *Quaestio Rossica*. Vol. 13, № 1. P. 148–168. DOI 10.15826/qr.2025.1.959.

Цитирование: Mazyrin A. Tikhon Sharapov, an Orthodox Repatriate Bishop of the Interwar Period, and His Struggle for Church Freedom in the USSR // *Quaestio Rossica*. 2025. Vol. 13, № 1. P. 148–168. DOI 10.15826/qr.2025.1.959 / Мазырин А. Православный архиерей-репатриант межвоенного периода Тихон Шарапов и его борьба за церковную свободу в СССР // *Quaestio Rossica*. 2025. Т. 13, № 1. С. 148–168. DOI 10.15826/qr.2025.1.959.

close to him, with whom he was in exile in Central Asia in the 1930s.

Keywords: freedom of conscience, persecution of religion in the USSR, Episcopate of the Russian Orthodox Church, Archbishop Tikhon (Sharapov), repatriation

Рассмотрена судьба епископа Тихона (Шарапова, 1886–1937), который среди сотен российских православных архиереев эпохи большевистских гонений был по-своему уникален. Оказавшись в результате военно-революционных потрясений рубежа 1910–1920-х гг. вне России, он, имея возможность хорошо устроиться за границей, не стал этого делать, а смог вернуться в начале 1925 г. в сан архимандрита на родину к патриарху Тихону (Беллавину) незадолго до его кончины. Вскоре по возвращении он был посвящен во епископа, но провел на определенной ему архиерейской кафедре лишь полтора месяца и далее почти непрерывно находился в тюрьмах, ссылках и лагерях вплоть до расстрела во время «Большого террора». В статье объясняется, чем столь неугоден советской власти оказался гонимый архиерей. Епископ Тихон, как мог, отстаивал внутреннюю свободу православной церкви, боролся с насаждавшимся большевистской властью обновленческим расколом. Будучи высланным из своей Гомельской епархии, он, вопреки требованиям государственных органов, пытался сохранять с нею живую связь и в дальнейшем выражал скептическое отношение к линии угодничества богоборческой власти. В основу исследования положены материалы архивно-следственных дел К. И. Шарапова, а также неопубликованные свидетельства близкого ему церковного историка М. Е. Губонина (1907–1971), с которым он в 1930-е гг. вместе находился в изгнании в Средней Азии.

Ключевые слова: свобода совести, преследования религии в СССР, епископат Русской православной церкви, архиепископ Тихон (Шарапов), репатриация

В середине 1940-х гг. после победы СССР во Второй мировой войне в страну вернулись десятки православных священнослужителей из первой волны русской эмиграции, в том числе несколько архиереев. Часть из них затем была репрессирована, например, митрополит Нестор (Анисимов); другие, такие как митрополит Вениамин (Федченков), смогли избежать этого, хотя тоже испытывали сложности с интеграцией в советскую систему. В 1920-е же случаи репатриации православного духовенства в Советскую Россию были исключительно редкими. Самый яркий из них – возвращение на родину архимандрита Тихона (Шарапова) в начале 1925 г., вскоре по приезде посвященного во епископа. Дальнейшая его судьба весьма показательна и трагична.

Практически с самого начала своего церковного служения в СССР епископ Тихон (в сан архиепископа он был возведен уже в самом конце жизни) стал для советской власти весьма одиозной фигурой и преследовался ею почти непрерывно, за исключением небольшого промежутка времени в середине 1930-х гг., когда он уходил в некое подобие затвора в Средней Азии. Можно сказать, все моменты его биографии начиная с рождения и молодых лет делали его чуждым большевистскому режиму, и поэтому удивляться тому, что он быстро оказался гонимым, не приходится.

1. Епископ Тихон (Шарапов).
 Фотография с сайта Гомельской
 епархии Белорусской православной
 церкви. URL: <https://eparhiya.by/>
 Bishop Tikhon (Sharapov).
 Photograph from website of the Gomel
 Diocese of the Belarusian Orthodox
 Church

Константин Иванович Шарапов, будущий архиепископ Тихон, родился в 1886 г. в религиозной семье финансового служащего Управления тульскими оружейными заводами (можно сказать, происходил из буржуазии). По окончании обучения в местной гимназии он с согласия родителей в 16 лет ушел послушником в Макариев Жабынский монастырь Тульской епархии, где спустя два года принял иноческий постриг с именем Тихон. Систематического духовного образования он не получил, но как человек весьма начитанный был привлечен монастырским начальством к просветительской деятельности [ЦИА ПСТГУ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 11¹]. Впрочем, в последнем следственном деле архиепископа Тихона 1937 г. в графе анкеты «Образование (общее, специальное)» было записано: «Высшее богословское» [Там же. Ф. 99. Оп. 1. Д. 3. Л. 28 об.], но непонятно, что под этим имелось в виду. В 1911 г.

не без участия всероссийски известного архиепископа Волынского Антония (Храповицкого) инок Тихон перебрался в один из главных духовно-просветительских центров страны – Почаевскую лавру, где был определен в местное трудовое Типографское братство и вскоре был посвящен во иеромонаха. В 1912 г. он стал помощником редактора единственного в России монашеского журнала «Русский инок», а в начале 1914 г. возглавил это издание [Там же. Ф. 150. Оп. 1. Д. 11].

После начала Первой мировой войны в связи с успехами России на Австрийском фронте иеромонах Тихон (Шарапов) был командирован в Галицию для воссоединения с православной церковью местных униатов. Исполнив эту непростую миссию, он в 1915 г. в соответствии с выраженным им желанием стал военным священником и оставался на этом служении до начала 1918 г. По возвращении с фронта распоряжением Волынского епархиального начальства он был назначен заведующим Почаевским подворьем в г. Здолбунове, где основал Здолбуновское Богородичное братство, стал издавать миссионерский журнал «Православие», за что подвергся преследованиям со стороны украинских националистов, последователей С. В. Петлюры. Серьезные

¹ Нумерация листов в деле отсутствует.

осложнения у иеромонаха Тихона начались и с властями возродившегося Польского государства, которое всеми силами стремилось оторвать многочисленное православное население, оказавшееся на его территории, от Русской церкви с целью его последующего перехода в католичество [ЦИА ПСТГУ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 11].

В начале 1922 г. иеромонах Тихон под видом литовского дипкурьера, приняв светский внешний вид, смог посетить советскую Москву, где по поручению нескольких русских архиереев Польши представил патриарху Тихону доклад о местных церковных делах, был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Жировицкого монастыря [Отрывок]. Архимандрит Тихон был одним из самых активных борцов с неканонической автокефалией Варшавской православной митрополии и переводом ее на западный календарь, за что в конце 1924 г. польскими властями был арестован и выдворен в Германию [Слесарев, 2015]. Приезжавшая к нему в Берлин православная делегация из Чехословакии звала его на кафедру карпато-русского епископа, что обеспечило бы ему довольно благополучное существование [ЦИА ПСТГУ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 11], но он стремился в Россию и просил патриарха Тихона исходатайствовать ему разрешение на возвращение. Патриарх не советовал ему идти на такой шаг, понимая, чем это обернется, но архимандрит Тихон его упросил. Как ни удивительно, разрешение от большевиков было получено. Решение «Въезд разрешить» было принято секретной антирелигиозной комиссией при ЦК РКП(б) 22 ноября 1924 г. [Протоколы, с. 148]. Видимо, сыграли роль крайняя натянутость советско-польских отношений и желание уязвить поляков таким неожиданным способом.

В январе 1925 г. архимандрит Тихон (Шарапов) прибыл в Москву и имел продолжительную аудиенцию у пребывавшего в больнице патриарха Тихона. 22 марта того же года состоялась его хиротония во епископа Гомельского – предпоследняя из возглавленных патриархом, скончавшимся через две недели после ее совершения. Отбыв на свою кафедру, епископ Тихон с присущей ему энергичностью сразу вступил в борьбу с местными просоветскими раскольниками-обновленцами. Он справедливо не видел в своих действиях нарушения законодательства СССР, в соответствии с которым церковь от государства была отделена. За полтора месяца его трудов десятки обновленческих приходов Гомельской епархии были возвращены в патриаршую («тихоновскую») церковь. В расколе осталось только девять приходов из примерно 150 [Шиленок, с. 93]. Это не могло не вызвать резкой реакции со стороны негласно поддерживавшей обновленцев советской власти.

Уже в середине мая 1925 г. епископ Тихон был арестован по решению Гомельского губотдела ОГПУ. Отвечая при заполнении анкеты на вопрос о партийной принадлежности, он неосторожно заявил о себе: «Ярый партиец. Партия Господа моего Иисуса» [ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 7. Л. 11]. Брать на себя ведение дела такого неординарного арестанта гомельские чекисты не решились и через пять дней

отправили его в Москву, однако по пути он был на месяц задержан в минском полпредстве ОГПУ. В Москве его продержали под арестом еще почти месяц, но, не сумев изобрести никакого серьезного обвинения, по личному распоряжению начальника 6-го (антицерковного) отделения секретного отдела ОГПУ Е. А. Тучкова освободили под подписку о невыезде [ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 7. Л. 48]. Видимо, у ОГПУ в тот момент еще сохранялась надежда использовать русского епископа антипольских воззрений в своих интересах.

Высшее управление Православной российской церкви тогда в соответствии с завещательным распоряжением почившего патриарха Тихона возглавлял патриарший местоблюститель митрополит Крутицкий Петр (Полянский). Так же, как ранее для патриарха Тихона, епископ Тихон (Шарапов) стал для митрополита Петра главным докладчиком о польских церковных делах. Как твердый «патриархист-тихоновец» он вошел в число близких к местоблюстителю православных иерархов, что делало практически неизбежным его новый арест. Митрополит Петр отказался повести вслед за обновленцами патриаршую церковь по сервильному пути, на который его всячески склоняло ОГПУ. В результате в декабре 1925 г. он был арестован и более вплоть до своего расстрела на свободу не вышел. Вместе с ним было арестовано и большое число других «тихоновских» архиереев, в том числе и епископ Тихон. Свой приговор по делу митрополита Петра он получил лишь в мае 1926 г.: «ШАРАПОВА Константина Ивановича (Тихона) заключить в концлагерь сроком на ТРИ года, но ввиду болезни заключение в концлагерь заменить высылкой в Казахстан на тот же срок²» [цит. по: Кифа, с. 780]. Местом ссылки епископа Тихона была определена Каракалпакская автономная область Казахской АССР, входившей тогда в состав РСФСР. Во главе Московской патриархии тем временем встал митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский), который с весны 1927 г. стал проводить более угодный советской власти политический курс, за что получил некоторое подобие легализации. Епископ Тихон (Шарапов) отнесся к этой перемене сдержанно: без одобрения, но и без порицания.

Из среднеазиатской ссылки, как ранее из Москвы, епископ Тихон пытался управлять своей Гомельской епархией, обращался к пастве с архипастырскими посланиями [Слесарев, 2013; ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 6. Л. 3–22]. Ничего контрреволюционного и антисоветского он в этом не находил и, как мог, исполнял свои канонические обязанности. Его письма и послания дошли до адресатов, а следом – до белорусских чекистов, не преминувших поставить в известность московское руководство, от которого сигнал пошел уже к месту ссылки «непонятливого» епископа. В июне 1927 г. он был арестован в г. Чимбае Каракалпакской АО. В заключении 6-го отделения СО ОГПУ о нем было сказано:

² Здесь и далее в цитатах из архивных документов все выделения шрифтом приведены в том виде, в котором они в них присутствуют. Особенности авторской орфографии и грамматики сохранены в тех случаях, когда они могут представлять интерес с точки зрения характеристики авторов цитируемых текстов.

Гр[ажданин] ШАРАПОВ К. И., епископ Гомельский, находясь в ссылке в Казакстане, распространял среди верующих как Гомельской епархии, так и Казакстана воззвания к[онтр]-р[еволюционного] характера, в которых указывает на устраиваемые якобы Соввластью гонения на церковников и веру православную [ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 6. Л. 23].

Участь патриаршего местоблюстителя митрополита Петра, самого епископа Тихона, множества других репрессированных священнослужителей наглядно подтверждала, что антицерковные гонения в СССР были вполне реальны, но советская власть упорно отрицала очевидное.

8 августа 1927 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ вынесло приговор: «ШАРАПОВА Константина (Тихона) Ивановича заключить в концлагерь сроком на ТРИ года». Одновременно Каракалпакскому облотделу ОГПУ было сообщено, что «такового надлежит направить с очередным этапом в Соловецкий концлагерь через Бутырскую тюрьму г. Москва» [Там же. Л. 24, 27]. Путь по этапам из Каракалпакии на Соловки пролегал через Ташкент, Самару, Москву, Ленинград и был весьма нескорым. Управление СЛОН³ о прибытии на место заключенного Шарапова направило сообщение в Отдел центральной регистрауры ОГПУ 31 декабря 1927 г. [Там же. Л. 26].

В действительности в зону соловецкого лагеря епископ Тихон попал несколько раньше. В составленной по просьбе М. Е. Губонина в 1934 г. памятной записке он писал:

Попов остров. Прибыли 8 (21) ноября 1927 г., сняли в барак. Обыскан и лишен Св. Креста. <...> Сильно голодал... Заболел и слег в больницу. Исповедовал и причащал.

Соловки. Прибыл 22 ноября (2 декабря) 1927 г. на пароходе «Глеб Божий» на остров, положили в больницу. Архиепископ Петр (Зверев) в этот день вступил в старейшинство, ибо архиепископ Прокопий (Титов) Херсонский вывезен в Кемь.

На основании указа патриарха Тихона, изданного в 1923 году, о первенстве епископов, находящихся в Соловках, последовательно первенствовали следующие иерархи:

1. – архиепископ Евгений (Зернов) Благовещенский,
2. – архиепископ Прокопий (Титов) Херсонский,
3. – архиепископ Петр (Зверев) Воронежский с 11.1927 по 1.1929,
4. – архиепископ Борис (Шипулин) Тульский с 1.1929 по 11.1929,
5. – епископ Тихон (Шарапов) Гомельский до 6.1930.

[ЦИА ПСТГУ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 11].

Такой список первенствовавших заключенных соловецких иерархов ни в каких других источниках не содержится. Приведенное свидетельство особенно ценно тем, что оставил его один из фигурантов

³ СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения.

этого списка. Остается, правда, вопрос, в чем конкретно выражалось старейшинство епископа Тихона на Соловках с конца 1929 по середину 1930 г. Видимо, в возглавлении ставших к тому времени крайне редкими в лагерных условиях совместных богослужений.

Возвращаясь к хронике своего соловецкого заключения, епископ Тихон писал:

Выйдя из больницы, служил 6 (19) декабря 1927 г. с архиепископом Петром (Зверевым) и епископом Василием (Зеленцовым). Прожил в Кремле с 11.1927 по 11.1929. В 11.1929 – на 58-й пикет. В 12.1929 – в Кремль, в больницу, В 3.1930 – в городок, в рыбаки. В 6.1930 – в Кемь на освобождение [ЦИА ПСТГУ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 11].

Как видно, описывать в деталях основную часть своего соловецкого заключения епископ Тихон не стал, уместив два с половиной года в несколько строк. Окончание полученного в 1927 г. трехлетнего срока лагерного заключения не привело к освобождению опального архиерея. Как замечал Губонин, «перед вывозом из Соловков преосвященному Тихону предусмотрительно был объявлен новый приговор, обеспечивающий ему три года ссылки в северном крае» [Там же]. Местом ссылки стал Архангельск, а ее продолжением – новый арест в январе 1931 г. По одному делу с ним проходили архиепископ Антоний (Быстров), епископы Аверкий (Кедров), Иннокентий (Тихонов) и ряд других священнослужителей [Яковлева].

Следствие по обвинению епископа Тихона и других проходивших по тому же делу велось медленно. Обвинительное заключение, составленное в октябре 1931 г., гласило:

Достаточно начитанный, не лишенный дара слова, носящий сан епископа, ШАРАПОВ, связавшись с большинством местного и адм[инистративно] ссыльного духовенства, быстро завоевывает авторитет и в дальнейшем вместе с архиепископом БЫСТРОВЫМ является идейным руководителем и главой сгруппировавшихся вокруг них, родственных по своим антисоветским убеждениям: а[нти]с[оветского] еписк[опа] ТИХОНОВА, а[нти]с[оветского] еписк[опа] КЕДРОВА... и друг[их]. <...> Являясь формально Сергиевцем, ШАРАПОВ по существу своих убеждений был ярким сторонником правореакционной церковной группировки. Факт лояльного отношения к сов[етской] власти митр[ополита] Сергия, выраженного через ряд опубликованных им в печати деклараций, расценивался ШАРАПОВЫМ как предательство православной церкви [АРУ ФСБ РФ по Архангельской обл. Д. П-11397. Л. 154–155].

Епископ Тихон обвинялся даже в том, что он якобы призывал найти «героя», который в случае нежелания митрополита Сергия уйти добровольно убил бы его, подобно тому, как в 1923 г. в Варшаве был убит другой митрополит-конформист Георгий (Ярошевский). При

этом в обвинительном заключении отмечалось, что «Шарапов К. И. виновным себя не признал» [АРУ ФСБ РФ по Архангельской обл. Д. П-11397. Л. 159]. Итогом архангельского дела для епископа Тихона стал приговор Особого совещания при Коллегии ОГПУ: «Во изменение прежнего постановления ШАРАПОВА Константина Ивановича... заключить в концлагерь сроком на ТРИ года». В соответствии с предписанием из Москвы осужденного следовало «отправить с первым отходящим этапом в г. Мариинск или в заключение в Сиблаг ОГПУ» [Там же. Л. 165, 167].

Два месяца ушло на ожидание этапа, после чего епископ Тихон через Вологду, Вятку, Пермь, Свердловск и далее был отправлен в Сибирь. По скудным строчкам, сохраненным М. Е. Губониным, можно понять, что пребывание епископа Тихона в Сиблаге было еще более тяжелым, чем на Соловках, а информации об этом периоде его жизни еще меньше: «С голоду и морозу ели крошки, облитые из параша... Сломал ногу на лесоразработках... Тяжкие работы в лесу... Мороз 50 градусов...» [ЦИА ПСТГУ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 11].

Освобожден епископ Тихон был лишь в феврале 1934 г. Вернувшись в Центральную Россию, он посетил в Москве митрополита Сергия (видимо, чтобы развеять слухи о своей оппозиционности к нему), после чего, имея предписание о выезде за 100-километровую зону, временно поселился в Рязани, найдя приют у местного «тихоновского» архиепископа Иувеналия (Масловского) и планируя оттуда переселиться в полюбившуюся ему Среднюю Азию. По этому вопросу он советовался с разными людьми, в том числе с членом «сергиевского» Временного патриаршего священного синода митрополитом Казанским Серафимом (Александровым). Тот ему ответил в марте 1934 г. из Казани: «если Вас тянет на территорию Туркестанского митрополита, то следует о сем и заявить преосвященному митрополиту Сергию [Страгородскому], дабы он оказал возможное содействие, переговорив с кем следует» [Там же].

Последние слова, видимо, намекали на ОГПУ, с которым Московская патриархия с 1927 г. должна была согласовывать свою кадровую политику.

В апреле 1934 г. епископ Тихон писал Губонину:

Со всех сторон сыплются советы и предложения, но я пока, ссылаясь на необходимость лечения, предложения отклоняю, а сам строю планы насчет того, как бы удалиться в Среднюю Азию с ее библейской простотой и авраамским бытом, что готов поехать туда в обличи колхозника и там, заделавшись каким-нибудь сторожем «хлопкома» (и удовлетворяясь келейно и тайнообразующе⁴), отдохнуть душой от Европы, Арктики, Москвы, Сиб[ирских] новостроек и так далее. За эти годы я, может быть, постарел, или устал, или созрел, что ли, и мне как-то не по душе за компанию со всеми прыгать, как белка в ко-

⁴ Имеется в виду совершение тайных богослужений.

лесе, и платить («подходные») налоги в астрономических цифрах. Тем более что взять на себя нравственные обязательства за территорию и души и не иметь возможности ничего сделать – как-то не хватает духу [ЦИА ПСТГУ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 11].

Решившись на отъезд, епископ Тихон позаботился о его каноническом оформлении. М. Е. Губонин писал на этот счет:

Перед самым отъездом «на страну далече» владыка еще раз побывал в Москве: следовало как-то оформить свое служебное положение в патриархии и, кроме того, повидаться с родными и близкими. <...> У «деда», то есть у заместителя патриаршего местоблюстителя, владыка получил санкцию на длительный отпуск, оформленный как продолжительное увольнение на покой по лечебным соображениям (что соответствовало в какой-то степени и действительной надобности) [Там же].

Через три с половиной года это посещение «деда» наряду со многим другим будет вменено ему органами НКВД в тяжкое политическое преступление.

Из Рязани епископ Тихон в конце мая 1934 г. выехал в Среднюю Азию, где поселился в узбекском городе Шахрисябзе. Помимо Губонина, его сподвижником в полузатворе был игумен Аркадий (Перепечко), его духовный сын, последовавший за ним еще в 1925 г. из Гомеля, будучи тогда молодым человеком, а затем постриженный им в монашество и облеченный в священный сан. В сентябре 1934 г. Губонин должен был расстаться с епископом Тихоном, оставив его на попечении игумена Аркадия, а вскоре и сам архиерей покинул Шахрисябз, перебравшись в Самарканд. Оттуда он писал «дорогому Мише»:

В Самарканде устроился хорошо. Прекрасная, уютная и тихая квартира. Общество и духовенство очень ласковы. На их счет съездил в Ташкент. С Арсением [Стадницким] поладил... В Ташкенте я был «приглашен и истязан» (то есть приглашен и допрошен в местном ГПУ)⁵. Кончилось ничего. Но, кажется, из среднеазиатских планов ничего не выйдет. Разве Арсений⁶ умрет. «Других кафедр мы не допустим». Самарканд – поэзия, сказка и музыка. <...> Обновленцы здесь активны. Пытаются ворваться ко мне. Не принимаю [Там же].

Из Шахрисябза и Самарканда епископ Тихон (Шарапов) продолжал вести переписку с близкими ему иерархами, в том числе и с епископом Лукой (Войно-Ясенецким), который писал ему из Ташкента:

⁵ Текст в скобках – примечание М. Е. Губонина.

⁶ Под Арсением (Стадницким) имелся ввиду митрополит Ташкентский и Туркестанский, старейший иерарх Русской православной церкви, проживавший не по своей воле в Средней Азии с 1924 г.

Господу, видно, неуютно, чтобы я занимался хирургией во всем объеме, так как Он послал мне тяжелую болезнь левого глаза, непоправимо испортившую его, и экзему рук. Очень сожалею, что Вы не застали меня, когда заходили ко мне в Ташкенте. Скорблю о неустроенности Вашей, но не меньше и мое горе – невозможность продолжать архиерейское служение. Много слез проливаю об этом каждый день [ЦИА ПСТГУ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 11].

Писал епископу Тихону и митрополит Арсений, который советовал ему не пребывать на покое: «Вы еще молоды и духом пламенеете, а потому и много можете принести пользы нашей Матери». М. Е. Губонин пояснял позицию епископа Тихона по вопросу его дальнейшего служения:

После всех перенесенных передраг, не желая брать на себя управление какой-либо епархией и отправляясь в среднеазиатские пределы на неопределенное время, владыка, однако, вынашивал сокровенную мечту устроиться основательно, но без внешнего «положения» где-либо в узбекской глуши и, если не «тайнообразующе», то, во всяком случае, не афишируя, заняться укреплением православия среди рассеянного здесь многочисленного русского населения и, если будет возможно, насаждать христианство также и среди мусульман. Если бы дело это пошло и не встречало особых препятствий со стороны гражданских властей, в дальнейшем можно было бы поднять (по церковной линии) вопрос и о создании какого-либо викариатства (скажем, самаркандского, или мервского) при официальной ташкентской архиерейской кафедре. Но это было бы делом будущего, а на первых порах предполагалось культивировать небольшую общину при архиерейской домовой церкви, одновременно изучать обстановку, среду и местный язык [Там же].

В феврале 1936 г. митрополит Арсений (Стадницкий) скончался. С его преемником на ташкентской кафедре архиепископом Борисом (Шипулиным) епископ Тихон был уже знаком и, как замечал Губонин, «между ними установились тесные теплые братские взаимоотношения» [Там же]. От архиепископа Бориса в декабре 1936 г. он узнал о своем назначении на алма-атинскую кафедру. Про указ митрополита Сергия на его имя епископ Тихон писал:

Это было в июле 1936 года. Но понадобилось полгода времени и 2 поездки в Москву, пока уже дубликат указа патриархии вручен был накануне Рождества Христова в Самарканде преосвященному Тихону, который и выехал из Самарканда в Алма-Ату 9 января 1937 года, т. е. на третий день Рождества Христова. 12 января нового стиля 1937 года епископ Тихон Шарапов прибыл в г. Алма-Ата. 15 января зарегистрирован, 16-го перед всенощной совершилось его наставление, а 17-го января, в Неделю перед Просвещением, епископ Тихон совершил первую Божественную литургию во Введенской же церкви и вступил в управление Алма-Атинской епархией [Тихон, с. 219].

В мае 1937 г. по приглашению митрополита Сергия епископ Тихон посетил Москву и провел в ней около месяца. Видимо, в этот момент он был возведен в сан архиепископа, что вполне соответствовало его новому положению «занимавшего в Казахстане главную епархию». В последнем следственном деле он именовался архиепископом. При этом его главный биограф М. Е. Губонин об этом повышении своего старшего друга-соизгнанника не знал и продолжал в дальнейшем писать о нем как о епископе. В самой патриархии информация о возведении епископа Тихона в сан архиепископа тоже оказалась утрачена. Во всяком случае, когда в октябре 1943 г. патриарх Сергей (Страгородский) подал в Совет по делам Русской православной церкви заявление с просьбой возбудить перед Правительством СССР ходатайство об амнистии 26 священнослужителей, одиннадцатым человеком в списке был указан «Шарапов, епископ Алмаатинский Тихон» [Русская Православная Церковь, с. 79]. Патриарх Сергей не знал, что почти все, о ком он просил, были казнены в 1937–1938 гг.

21 августа 1937 г. архиепископ Тихон был арестован в Алма-Ате и помещен в следственную тюрьму НКВД. В тот же день был проведен его первый допрос, на котором ему было предъявлено стандартное обвинение: «Вы являетесь членом нелегальной антисоветской организации церковников. Следствие требует от Вас правдивых показаний о Вашей антисоветской деятельности». На это он ответил кратко и твердо: «Членом антисоветской нелегальной организации церковников я не состою и о существовании таковой мне неизвестно» [ЦИА ПСТГУ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 3 Л. 46, 29]. Такой ответ, разумеется, не устроил следственные органы, на обвиняемого было оказано сильное воздействие, и следующий протокол допроса, датированный 25 августа, выглядел уже совсем по-другому:

Вопрос: Вы подали заявление, в котором признали, что являетесь членом антисоветской организации церковников и желаете дать следствию исчерпывающие показания по существу предъявленного Вам обвинения. Давайте показания.

Ответ: Я понял, что дальнейшее заpiresательство бесполезно. Да, я признаю, что являюсь членом антисоветской организации церковников, проводящей активную шпионско-террористическую деятельность [Там же].

Далее в протоколе рукою следователя в нужном ему ключе и в типично чекистских выражениях, совсем не характерных для православного архиерея, были записаны «признательные» показания допрашиваемого. На вопрос «Кто завербовал Вас в антисоветскую организацию церковников?» в протоколе был зафиксирован ответ:

В СССР из-за границы я выехал в январе 1925 года. При выезде я получил задание от митрополита Дионисия Богдановича – сенатора, бывшего инспектора Виленской семинарии; архиепископа Пантелеймона, архиепископа Владимира Гродненского (выслан в Прагу), архиепископа Алиферия (выслан в Литву) информировать их о положении русской церкви и общин [ЦИА ПСТГУ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 3 Л. 46, 29].

Выходило так, что за границей обвиняемого «завербовали» представители сразу двух противоборствующих церковно-политических партий: лидер польских автокефалистов митрополит-конформист Дионисий (Валединский) и убежденные противники этой автокефалии сенатор В. В. Богданович с гонимыми поляками архиепископами Пантелеймоном (Рожновским), Владимиром (Тихоницким) и Елевферием (Богоявленским). Следовательно, даже не сумевшего правильно записать имя последнего, такая «многовекторность» не смутила.

Затем шло описание «антисоветской деятельности» обвиняемого в СССР:

Прибыв в СССР, я направился в Москву. В Москве я связался с членами московской антисоветской организации: патриархом Тихоном, Петром Крутицким, митрополитом Серафимом Александровым, последним я и был вовлечен в антисоветскую организацию церковников [Там же. Л. 30–30 об.].

Митрополит Тверской Серафим действительно тогда входил в ближайшее окружение патриарха Тихона, но закрепился там не без содействия «опекавшей» церковь государственной организации, осведомителем которой он был, как минимум, с 1922 г. (его секретные донесения ныне опубликованы [Архивы Кремля, с. 56–58]) и связь с которой у него плохо получалось скрывать, из-за чего в церковных кругах он был прозван «дубянским митрополитом» [Кифа, с. 746]. В какую «антисоветскую организацию церковников» митрополит Серафим мог тогда вовлечь епископа Тихона, вопрос риторический. Под рукой следователя в протоколе появились саморазоблачающие «признания» архиепископа:

Антисоветские церковные круги внешне примирились с восторжествовавшим порядком в стране, а, по существу, уйдя в подполье, повели активную антисоветскую работу, готовя кадры для насильственного свержения советской власти путем террора, вредительства, массовых выступлений. На этих позициях стояла и наша антисоветская организация церковников. <...> Октябрьская революция застала меня на территории теперешней Польши. Как и все церковники, я встретил Октябрьскую пролетарскую революцию крайне враждебно. Это враждебное отношение еще усугублялось в связи с проведением советским правительством ряда законов в отношении церкви (отделение церкви от государства,

изъятие церковных ценностей). Как я уже показал, в январе 1925 года я прибыл в СССР, а в марте того же года выехал в г. Гомель для отправления церковных обязанностей. Будучи уже завербованным в антисоветскую организацию, здесь я активно включился в антисоветскую работу. Я часто выступал с проповедями в самом городе, в окрестных селах, в рабочем поселке, на писчебумажной фабрике, всюду насыщая свои проповеди антисоветским содержанием. <...> После ряда моих выступлений меня вызвал председатель Гомельского губисполкома, в присутствии начальника ОГПУ он сказал: «Вы своими выступлениями взбаламутили народ, до Вас в губернии было спокойно». После вызова примерно через три дня я был арестован и выслан в Москву. В Москве я продолжал свою активную антисоветскую работу, призывал к борьбе и свержению советской власти. Моя подрывная антисоветская работа была прервана арестом и разгромом московской антисоветской группы церковников, членом которой я являлся. После того ареста до января 1934 года я провел в концлагерях и ссылках [ЦИА ПСТГУ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 3. Л. 31 об. – 32 об.].

Далее шли показания об «антисоветской подрывной работе с 1934 года»:

В начале 1934 года по окончании ссылки я выехал в Москву для восстановления старых контрреволюционных связей в церковных кругах. В Москве я связался с митрополитом Сергием Страгородским, с митрополитом Александровым, которые информировали меня об антисоветской деятельности церковников. В связи с трудностью получения паспорта в Москве на совещании организации было решено направить меня в г. Рязань. Прибыв в г. Рязань, я связался с местной антисоветской церковной организацией, которой в этот момент руководил Ювеналий Масловский. Было созвано совещание, на котором было решено, что под боком у Москвы опасно собирать такой сгусток антисоветских элементов, бывших ссыльных, и здесь же было решено направить меня в Среднюю Азию для создания там антисоветских групп церковников. План рязанской организации о посылке меня в Среднюю Азию для создания на месте контрреволюционных очагов было одобрено митрополитом Сергием Страгородским. Для конспирации цели им был оформлен указ о моем официальном назначении как служителя культа [Там же].

Под названным указом имелось в виду «увольнение на покой по лечебным соображениям», о котором писал М. Е. Губонин.

От имени обвиняемого далее в протоколе сообщалось:

В Среднюю Азию я прибыл совместно с Перепечко. Вначале здесь стали группировать вокруг себя антисоветские элементы. Затем была создана контрреволюционная группа... Члены организации получали задание вести агитацию против советской власти, дискредитировать руководителей партии и правительства. Через Перепечко мы вели взаимную ин-

формацию с Кустанайской антисоветской организацией церковников... [ЦИА ПСТГУ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 3. Л. 31 об. – 32 об.].

Жанр протокола допроса чем дальше, тем сильнее становился похож на жанр обвинительного заключения, только с использованием местоимений первого лица. На вопрос «Когда и при каких обстоятельствах была создана возглавляемая Вами Алма-Атинская антисоветская организация церковников?» следовал ответ:

В начале 1936 г. в Алма-Ате была разгромлена антисоветская организация церковников, для ее восстановления я и был направлен антисоветским центром церковников Шипулиным, Петровых⁷. Назначение мое, опять для конспирации, носило официальный характер, через митрополита Сергия как служителя культа. Прибыв в Алма-Ата, я – Шарапов, Соловьев⁸, который был послан Борисом Шипулиным для усиления Алма-Атинской контрреволюционной организации, и Перепечко занялись концентрацией вокруг себя антисоветского элемента, намечая наиболее подходящих для вовлечения в антисоветскую организацию [Там же].

Стилистика протокола и его безграмотность, вплоть до грамматических ошибок, характерны для документов НКВД того времени.

«Какие цели и задачи ставила перед собой Алма-Атинская антисоветская организация церковников?» – задавал очередной вопрос следователь и записывал нужный ему ответ:

В связи с активным выступлением контрреволюционных элементов внутри страны мы считали поэтому, что близок конец советской власти, а поэтому и вся наша деятельность была направлена на подготовку мероприятий, способствующих падению советской власти. Организация поставила перед собой следующие задачи: обработка населения в антисоветском духе, привлечение наиболее активного антисоветского элемента через тайные исповеди и создание тайного монашества и обработка его в контрреволюционном духе, организация террористических групп и индивидуальная обработка террористов для совершения террористических актов над руководителями партии и правительства. Мы считали нужным создание широкой сети вредительских и диверсионных групп на фабриках и заводах с целью подрыва мощи советского государства. Широкая организация повстанческих групп и организаций по всей стране, выступления которых приурочивается нами к моменту интервенции со стороны Германии и Японии [Там же].

Далее в протоколе шел вопрос: «Дайте показания о конкретной антисоветской деятельности каждого члена Вашей организации». Ответ

⁷ Имеется ввиду митрополит Иосиф (Петровых).

⁸ Протоиерей Киприан Соловьев.

на него выглядел уже совсем как составленное следователем обвинительное заключение [ЦИА ПСТГУ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 3. Л. 31 об. – 32 об. Л. 33–40].

Последний протокол допроса в следственном деле архиепископа Тихона датирован 14 сентября 1937 г. Видимо, обвинители посчитали, что тема шпионажа в предыдущем протоколе была раскрыта недостаточно, и решили восполнить этот пробел:

В своих показаниях от 25-го августа 1937 года я показал, что в СССР я прибыл во второй половине января 1925 года. При отъезде я получил задание от сенатора Богдановича и митрополита Дионисия информировать их о положении церкви в СССР и наличии общин, а также о политике советской власти в области религии; добавляю, что от тех же указанных мною лиц я получил задание информировать также и о положении крестьянства в СССР, о политико-моральном состоянии крестьянства и развитии советской промышленности. Прибыв в Москву, я информировал патриарха Тихона об антисоветской деятельности закордонных церковных кругов, а также антисоветской деятельности русской белой эмиграции. Причем должен отметить, что Тихон проявил огромный интерес к данным вопросам. После нашего разговора Тихон послал на имя Богдановича «благословенную» грамоту крайне антисоветского содержания [Там же. Л. 41–42].

Благодаря М. Е. Губонину текст указанной грамоты патриарха Тихона сохранился, несложно оценить, была ли она в действительности документом «крайне антисоветского содержания»:

Призываю Божие благословение на ревностные труды во благо Св[ятой] Православной Церкви Православному Сенатору RPP⁹ Вячеславу Васильевичу Богдановичу, а равно и честному пресвитерству, во Христе диаконству, боголюбивому иночеству и православному люду, сохранившим верность уставам Святой Церкви, своим законным иерархам и преданность Московскому Патриаршему Престолу [Акты, с. 355].

Советская власть, как видно, в грамоте не фигурировала никак.

Далее в протоколе от имени архиепископа Тихона (Шарапова) в стилистике самооговора сообщалось:

Тогда же Богдановичу я послал письмо, в котором информировал его о наличии в церковных кругах активных антисоветских настроений, а также о существовании в Москве антисоветской церковной организации, ведущей подрывную антисоветскую работу, направляя ее на свержение советской власти. Развернуть свою шпионскую работу по освещению положения крестьянства мне не удалось и потому, что был арестован и находился в лагерях и ссылках до 1934 года. После отбытия заключения в лагерях я прибыл в ссылку в Самарканд. Здесь я собирал сведения

⁹ RPP – Rzeczpospolita Polska (Речь Посполитая, Республика Польская).

о положении колхозного крестьянства, о положении хлопководческих колхозов и совхозов, а также о состоянии текстильной промышленности и прочее с целью информации Богдановича и митрополита Дионисия. Пытался установить с ними связь, но осуществить это не удалось. Таким образом, по причинам, от меня не зависящим (репрессии за антисоветскую деятельность, отсутствие возможности установить связь), мне не удалось выполнить поручение шпионского характера в том объеме, в котором ставилось передо мною Богдановичем и Дионисием [ЦИА ПСТГУ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 3. Л. 42–42 об.].

Имея в деле такие протоколы допросов, составить итоговое обвинительное заключение следователю Бокову было уже несложно. Оно гласило:

1937 года, сентября 25 дня, г. Алма-Ата.

Я, ПОМ[ОЩНИК] О[ПЕР]/УПОЛНОМОЧЕННОГО 7 ОТДЕЛЕНИЯ 4 ОТДЕЛА УГБ НКВД КАЗ[АХСКОЙ] СССР – БОКОВ, сего числа рассмотрев следственное дело № <не указан> на участников антисоветской монархической террористическо-повстанческой организации церковников – УСТАНОВИЛ:

ШАРАПОВ Константин Иванович 1886 года рождения, урож[енец] г. Тула Московской области, русский, холост, образование высшее, служитель культа, архиепископ Алма-Атинский. Был в эмиграции. За активную к[онтр]р[еволюционную] деятельность органами быв[шего] ОГПУ в начале 1925 года арестовывался и административно выслан из Гомеля, в конце того же года арестован и судим по ст[атье] 58–10 УК, приговорен к 3 годам концлагеря. В 1927 году арестован и судим по ст[атье] 58–10, заключен в Соловки на 3 года. В 1930 году судим по ст[атье] 58–10 УК, выслан в Северный край на 3 года. В 1931 году арестован и судим по ст[атье] 58–10 УК, приговорен к 3 годам концлагеря. В различных городах Советского Союза организовал ряд антисоветских групп.

ОБВИНЯЕТСЯ В ТОМ, ЧТО:

В 1925 году был завербован разведкой одного из капиталистических государств и переброшен на территорию СССР с заданиями шпионского характера. До 1937 года собирал материалы шпионского характера о развитии текстильной промышленности в Средней Азии и положении колхозов.

Прибыв в 1937 году в г. Алма-Ата, организовал и возглавил антисоветскую монархическую террористическо-повстанческую организацию церковников. По убеждению ярый монархист. Пропагандировал необходимость борьбы с советской властью путем вредительства, шпионажа, повстанчества и террора над руководителями партии и правительства. Для непосредственного совершения террористического акта подготовил члена организации ПЕРЕПЕЧКО (арестован). Вел антисоветскую пораженческую агитацию среди населения. <...> ВИНОВНЫМ ПРИЗНАЛ СЕБЯ ПОЛНОСТЬЮ. Уличается показаниями обвиняемых. <...>

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО —
ПОСТАНОВИЛ:

Следственное дело № <не указан> по обвинению ШАРАПОВА Константина Ивановича направить на рассмотрение ТРОЙКИ Алма-Атинского Обл[астного] УНКВД Каз[ахской] ССР [ЦИА ПСТГУ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 3. Л. 43–44].

В протоколе заседания «тройки» УНКВД по Алма-Атинской области от 17 октября 1937 г. были повторены основные положения обвинительного заключения и добавлена лаконичная резолютивная часть: «ПОСТАНОВИЛИ: ШАРАПОВА Константина Ивановича – РАССТРЕЛЯТЬ» [Там же. Л. 46].

Выписка из акта о расстреле выглядит несколько странно: «Постановление Тройки УНКВД Алма-Атинской области 17 Октября м[еся]ца 1937 г. о расстреле Шарапова Константина Ивановича приведено в исполнение 10 X м[еся]ца 1937 г. в <не указано> часов» [Там же. Л. 47]. То есть, по букве акта, приговорили 17 октября, а расстреляли за неделю до того. Таким образом, точная дата кончины архиепископа Тихона остается под вопросом.

Недавно была опубликована докладная записка наркому внутренних дел СССР Л. П. Берия, составленная группой командированных в Казахстан офицеров госбезопасности в марте 1939 г. В ней выразительно описывались методы работы местных чекистов в предшествовавший период. Стоит привести несколько выдержек из этой докладной:

На оперативном совещании Алма-Атинского областного управления НКВД также выявлены извращения в следственной работе... С санкции начальника Обл. НКВД Шабанова к арестованным применялись незаконные методы допроса: путем «конвейера», продолжительной «стойки», посадки на табурет-«трансформатор», крик в уши через рупор, обливание заключенных холодной водой и избиение. <...> Для «удобства» и быстроты ведения следствия были отпечатаны стандартные обвинительные заключения, где вписывались фамилии и установочные данные. <...> По троечным делам допущены большие перегибы, допрашивали с применением незаконных методов, вымогали показания на шпионаж. К допросу привлекались в качестве «толкачей» на конвейере конюха РО¹⁰ и вообще посторонние лица [Козыбаев, с. 215–216].

Нетрудно понять, как появились на свет «признательные» показания архиепископа Тихона (Шарапова) в его последнем следственном деле и чего они стоили.

Можно подвести итог. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б), разрешив в конце 1924 г. архимандриту Тихону вернуться в Россию, сильно ошиблась в своих расчетах (а нерасчетливо эта комиссия

¹⁰ РО – вероятно, районный отдел.

не действовала). Человек глубокой религиозности (уход в монастырь в 16-летнем возрасте говорит о многом), борец с церковным сервилизмом в Польше (проводившимся местными автокефалистами), он и в СССР сразу же активнейшим образом повел борьбу за внутреннюю свободу православной церкви, попираемую большевистской властью при содействии ее марионеток-обновленцев. Попытки заставить епископа Тихона отказаться от действий по защите интересов церкви не увенчались успехом (даже уходя от внешней активности в свой среднеазиатский полузатвор, он думал о постепенном развертывании там православной миссии). Не сумев сломить волю непокорного архиерея, богоборческая власть только и смогла, что после совершенно садистского следствия уничтожить его физически.

Архивы / Archives

АРУ ФСБ РФ по Архангельской обл. – Архив регионального управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Архангельской области [Archive of the Regional Department of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Arkhangelsk Region]. Д. П-11397 (Архивно-следственное дело по обвинению Быстрова Н. М., Шарапова К. И. и др. Архангельск. 1931 г.).

ЦА ФСБ РФ – Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации [Central Archives of the Federal Security Service of the Russian Federation]. Д. Н-3677. В 7 т. (Архивно-следственное дело по обвинению Полянского П. Ф., Шарапова К. И. и др. Москва. 1925–1926 гг.).

ЦИА ПСТГУ – Церковно-исторический архив Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета [Church-historical Archive of the Orthodox St Tikhon's Orthodox University]. Ф. 99. Оп. 1. Д. 3 (Архивно-следственное дело «Об антисоветской монархической террористическо-повстанческой организации церковников на участника этой организации Шарапова К. И.». Алма-Ата. 1937 г. Ксерокопии листов); Ф. 150. Оп. 1. Д. 11 (*Губонин М. Е.* Епископ Тихон (Шарапов) : краткое жизнеописание. Машинопись).

Библиографические ссылки / References

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / сост. М. Е. Губонин. М. : Изд-во Правосл. Св.-Тихон. богослов. ин-та, 1994. 1064 с.

Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. : в 2 кн. / подг. изд. Н. Н. Покровского и С. Г. Петрова. Новосибирск ; М. : Сиб. хронограф : РОССПЭН, 1997–1998. Кн. 2. 647 с.

Кифа – Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937) / отв. ред. прот. В. Воробьев. М. : Изд-во Правосл. Св.-Тихон. богослов. ин-та, 2012. 952 с.

Козыбаев И. М. «Большой террор» в Казахстане. Алматы : Раритет, 2019. 366 с.

Отрывок из воспоминаний епископа Тихона (Шарапова) о его поездке в СССР в 1922 году / публ. С. Беляева // Журн. Моск. патриархии. 1998. № 4. С. 82–88.

Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) – ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / сост. В. В. Лобанов. М. : Изд-во Правосл. Св.-Тихон. богослов. ин-та, 2014. 381 с.

Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док. / сост. О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова. М. : Крутицкое подворье : О-во любителей церк. ист., 2009. 765 с.

Слесарев А. В. Архипастырские послания и письма епископа Гомельского Тихона (Шарапова) из заключения и ссылки (июль 1925 – август 1926 г.) // Хронос : церк.-ист. альм. Минск : Изд-во Минской духов. акад., 2013. № 1. С. 68–131.

Слесарев А. В. Противодействие архимандрита Тихона (Шарапова) введению нового стиля и провозглашению автокефалии Православной Церкви в Польше (1922–1924 гг.) // Хронос : церк.-ист. альм. Минск : Изд-во Минской духов. акад., 2015. № 2. С. 138–184.

Тихон (Шарапов), архиеп. Алма-Атинская епархия Московского Патриархата в 1937 году // Из истории Российской иерархии : ст. и док. / сост. П. Н. Грюнберг и др. М. : Изд-во Правосл. Св.-Тихон. богослов. ин-та, 2002. С. 215–223.

Шиленок Д., свящ. Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939) : («Обновленческий» раскол в Белоруссии). М. : Крутицкое Патриаршее подворье : О-во любителей церк. ист., 2006. 218 с.

Яковлева А. П. «Вокруг Воскресенской церкви объединилось все местное и ссылное духовенство» : Соловецкие узники в деле Воскресенской церкви г. Архангельска 1931 г. (по материалам архива РУ ФСБ РФ по Архангельской области) // История страны в судьбах узников Соловецких лагерей : сб. ст. и докл. междунар. науч.-практ. конф. Вып. 6. Соловки : Соловецкий гос. ист.-архитектурный и природный музей-заповедник, 2021. С. 143–160.

Belyaeva, S. (Ed.). (1998). Otryvok iz vospominanii episkopa Tikhona (Sharapova) o ego poezdke v SSSR v 1922 godu [An Excerpt from the Memoirs of Bishop Tikhon (Sharapov) about His Trip to the USSR in 1922]. In *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*. No. 4, pp. 82–88. (In Rus.)

Gubonin, M. E. (Ed.). (1994). *Akty Svyateishego Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseya Rossii, pozdneishie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshei tserkovnoi vlasti, 1917–1943* [Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, Later Documents and Correspondence on the Canonical Succession of the Supreme Church Authority, 1917–1943]. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo bogoslovskogo instituta. 1064 p. (In Rus.)

Kozybaev, I. M. (2019). “Bol'shoi terror” v Kazakhstane [“The Great Terror” in Kazakhstan]. Almaty, Raritet. 366 p. (In Rus.)

Lobanov, V. V. (2014). *Protokoly Komissii po provedeniyu otdeleniya tserkvi ot gosudarstva pri TsK RKP(b) – VKP(b) (Antireligioznoi komissii). 1922–1929 gg.* [Protocols of the Commission on the Separation of Church and State under the Central Committee of the RCP(b) – VKP(b) (Anti-Religious Commission). 1922–1929]. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo bogoslovskogo instituta. 381 p. (In Rus.)

Pokrovskii, N. N., Petrov, S. G. (Eds.). (1997–1998). *Arkhivy Kremlya. Politbyuro i Tserkov': 1922–1925 gg. v 2 kn.* [Archives of the Kremlin. The Politburo and the Church: 1922–1925. 2 Books]. Novosibirsk, Moscow, Sibirskii khronograf, ROSSPEN. Book 2. 647 p. (In Rus.)

Shilenok, D. (2006). *Iz istorii Pravoslavnoi Tserkvi v Belorussii (1922–1939): (“Obnovlencheskii” raskol v Belorussii)* [From the History of the Orthodox Church in Belarus (1922–1939): (The “Renovationist” Schism in Belarus)]. Moscow, Krutitskoe podvor'e, Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii. 218 p. (In Rus.)

Slesarev, A. V. (2013). *Arkhypastyrskie poslaniya i pis'ma episkopa Gomel'skogo Tikhona (Sharapova) iz zaklyucheniya i ssylki (iyul' 1925 – avgust 1926 g.)* [Archpastoral Epistles and Letters of Bishop Tikhon (Sharapov) of Gomel from Imprisonment and Exile (July 1925 – August 1926)]. In *Khronos. Tserkovno-istoricheskii al'manakh*. No. 1, pp. 68–131. (In Rus.)

Slesarev, A. V. (2015). *Protivodeistvie arhimandrita Tikhona (Sharapova) vvedeniyu novogo stilya i provozglasheniyu avtokefalii Pravoslavnoi Tserkvi v Pol'she (1922–1924 gg.)* [The Opposition of Archimandrite Tikhon (Sharapov) to the Introduction of a New Style and the Proclamation of Autocephaly of the Orthodox Church in Poland (1922–1924)]. In *Khronos. Tserkovno-istoricheskii al'manakh*. No. 2, pp. 138–184. (In Rus.)

Tikhon (Sharapov), archbishop. (2002). Alma-Atinskaya eparkhiya Moskovskogo Patriarkhata v 1937 godu [The Alma-Ata Diocese of the Moscow Patriarchate in 1937]. In Gryunberg, P. N. et. al. (Eds.). *Iz istorii Rossiiskoi ierarkhii. Stat'i i dokumenty*. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo bogoslovskogo instituta, pp. 215–223. (In Rus.)

Vasil'eva, O. Yu., Kudryavtsev, I. I., Lykova, L. A. (2009). *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: Sbornik dokumentov* [The Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War of 1941–1945: A Collection of Documents]. Moscow, Krutitskoe podvor'e, Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii. 765 p. (In Rus.)

Vorob'ev, V., archpriest. (Ed.). (2012). *Kifa – Patriarskii Mestoblyustitel' svyashchennomuchenik Petr, mitropolit Krutitskii (1862–1937)* [Kifa, the Patriarchal Locum Tenens, Holy Martyr Peter, Metropolitan of Krutitsy (1862–1937)]. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo bogoslovskogo instituta. 952 p. (In Rus.)

Yakovleva, A. P. (2021). “Vokrug Voskresenskoï tserkvi ob”edinilos' vse mestnoe i ssyl'noe dukhovenstvo”: Solovetskie uzniki v dele Voskresenskoï tserkvi g. Arkhangel'ska 1931 g. (po materialam arkhiva RU FSB RF po Arkhangel'skoi oblasti) [“All local and exiled clergy united around Resurrection Church”: Solovetsky Prisoners in the Case of the Resurrection Church of Arkhangelsk in 1931 (Based on the Materials of the Archive of the Regional Department of Federal Security Service of Russian Federation for the Arkhangelsk Region)]. In *Istoriya strany v sud'bakh uznikov Solovetskikh lagerei. Sbornik statei i dokladov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Solovki, Solovetskii istoriko-arkhitekturnyi i prirodnyi muzei zapovednik*. Vol. 6, pp. 143–160. (In Rus.)

The article was submitted on 09.07.2024